

“диалоговой” воспитательной ситуации: “Я, может, и не укажу тебе дорогу... сам найдешь... Поезжай от меня... Да хранит тебя царица небесная!”

Так накапливает Артемий Карташев свой духовный опыт. Воспитание главного героя тетралогии Гарина Михайловского - это опыт диалога с жизнью. Педагогическая наука хорошо формализует воспитание как целенаправленный и организованный в специальных “воспитательных учреждениях” процесс; художественный текст, в свою очередь, показывает нам те воспитательные структуры, в которых ребенок не просто “воспитывается”, а “живет”. Анализ текста тетралогии “глазами педагога” подчеркивает важнейшую воспитательную реалию - факт того, что “воспитание в широком смысле” (К. Д. Ушинский) не в меньшей, а в гораздо большей степени сказывается на становлении самых фундаментальных личностных качеств человека.

В. В. Химич
Екатеринбург

РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Судьба реалистического направления в литературе XX века - одна из наиболее дискутируемых литературоведческих проблем. Феномен “неореализма” все еще не получил завершающего истолкования, а характер взаимодействия реализма со смежными направлениями и течениями выяснен лишь отчасти: идея “синтеза” представляет лишь абрис явления.

По-прежнему актуальной следует считать задачу выяснения того, **каким образом пошло развитие реализма после 1917 года.** Объяснение этого процесса простой заменой “умершего” критического социалистическим реализмом, как известно, не соответствует реальности. Думается, что именно с этого момента движение реалистического направления пошло одновременно по нескольким руслам, а своеобразия развития каждого из потоков было связано с различными по сути концепциями личности, сложившимися в общественном и философском сознании первых послереволюционных лет.

Первая и самая авторитетная концепция укрепилась на основе марксизма и исторического материализма с их идеей революционного деяния и уверенности в возможностях переделки мира. Личность при

этом мыслилась способной встать над обстоятельствами, над враждебностью Среды и в солидарности с себе подобными одолеть социальное зло и хаос исторического развития. Новизна подобной коллизии эстетически отразилась в установке на изображение жизни в революционном развитии, а, следовательно, и в оптимистической потенции, что актуализировало восприятие романтической традиции в ее революционном изводе. Героическая пафосность, устремленность к светлому будущему, идеализация положительно прекрасной личности стали свойствами нового искусства, созданного поэтами-романтиками и писателями, составлявшими летопись революционной борьбы трудового народа. На смену малым жанрам первых послереволюционных лет приходят эпические романские жанры, способные запечатлеть монументальные процессы истории и преобразующего воздействия ее коллективного разума на человека. Показательным фактом литературного развития следующего десятилетия становится востребованность классицистических канонов с их нормативностью и апологетической оценочностью.

В центр другой концепции личности был поставлен человек, вынужденный жить в мире нарушенного порядка. Никогда прежде в реалистической литературе торжество хаоса в социальной среде не принимало такие абсурдные формы. Оставаясь на почве реалистического восприятия мира, такие писатели, как М. Зощенко, Б. Пильняк, Е. Замятин, М. Булгаков, в стремлении воссоздать всеобщую разруху, наедине с которой остался человек, заострили в своем творчестве экзистенциальную проблематику. В изображении нового мира многие обратились к важнейшей в романтизме идее двоемирия, акцентировав бесспорный факт разлада идеала и действительности и показав личность как жертву обстоятельств. Именно на этом направлении возникли эстетические явления и целые художественные системы, синтезирующие реализм и модернизм. Жанры фантастических повестей, сатирических рассказов и фельетонов, антиутопий воссоздавали античеловеческое лицо странной действительности. Гоголевские и щедринские традиции получили новую жизнь в этой литературе.

Сегодня уже не надо доказывать, что в русском реализме была и еще одна ветвь, представленная литературой эмиграции. Вынужденно отделенная от основного потока географически, она как эстетический феномен возникла в точке пересечения воздействий, идущих от классической русской литературы XIX века, и европейских влияний, в частности, литературы потерянного поколения. Более всего на этом

направлении развивались социально-психологические и философские жанры, основанные на стремлении одолеть хаос способом эстетического восстановления порванных связей человека и породившей его Среды, той национальной почвы, вне которой навсегда оказались эмигранты. Автобиографические произведения, романы-воспоминания, лирико-философская проза и поэзия отразили мироощущение одиночества человека, счастливого лишь в воображаемом, давно бывшем времени. Разрабатывая “духовную” проблематику, связанную с русским православием, писатели-реалисты этой ветви активно продолжали традиции древнерусской житийной литературы, стремясь восстановить единое культурное пространство нации.

Разумеется, три выделенных нами русла в русском реализме первой трети XX века не существовали изолированно друг от друга. Процессы их взаимодействия требуют специального рассмотрения.

В. В. Хлопочкина
Екатеринбург

ЗНАКИ АВТОРСКОГО СОМНЕНИЯ В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА “РОКОВЫЕ ЯЙЦА”

Повесть М. Булгакова “Роковые яйца” в восприятии читателей и критики получала нередко огрубленное поверхностное истолкование то как веселая безделушка, то как злонамеренный политический выпад в адрес вождей пролетариата.

Между тем очевидно, что более внимательного рассмотрения заслуживают способы проявления авторской субъективности, принятые в этом произведении и способствующие выведению его смысла за пределы бурлескного “куроводческого” сюжета.

Направляющим всю палитру булгаковских оценок, по нашему мнению, становится изначальное сомнение писателя не просто в успехе затеянного героем дела, но и вообще в возможности существования жизни, устроенной на порочных основаниях. Подобное миропонимание проявлено в повести вполне по-булгаковски: не только выразительно разыгранным спектаклем, но и специфически выстроенной системой эстетически значимых мет, знаков, сигналов, открывающих свою ценностную направленность подчас лишь через интертекстуальные связи.

Обращает на себя внимание доминирующий в познавательных установках писателя иронический модус художественности.